

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
ДЕННИСА
ЛИХЭЙНА

Глоток перед битвой
Дай мне руку, Тьма
Святыня

Прощай, детка, прощай
В ожидании дождя
Таинственная река
Остров Проклятых
Настанет день
Лунная миля
Закон ночи
Ушедший мир
Общак
Когда под ногами бездна

ДЕННИС ЛИХЭЙН

ОСТРОВ ПРОКЛЯТЫХ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л 65

Dennis Lehane
SHUTTER ISLAND
Copyright © 2003 by Dennis Lehane
All rights reserved

Перевод с английского Сергея Таска
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-18509-8

© С. Э. Таск, перевод, 2011
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2020
Издательство АЗБУКА®

*Крис Глисон и Майку Эйгену.
Которые слушали. И слышали.
И порой взваливали на себя*

...Нам мало видеть сны, мы еще должны
с ними жить?

*Элизабет Бишоп.
Вопросы путешественника*

ПРОЛОГ

**Из дневников доктора Лестера Шина
3 мая 1993 года**

Я не видел остров несколько лет. Последний раз — с яхты моего приятеля, вышедшей из бухты в залив. Остров виднелся вдали, за внутренней грядой, в саване из летней дымки, случайный мазок краски на фоне неба.

Больше двух десятилетий на него не ступала моя нога, но Эмили говорит — иногда шутя, иногда нет, — что ей сдается, будто я оттуда и не уезжал. Как-то она сказала, что для меня время — это серия закладок, с помощью которых я гуляю вперед-назад по тексту моей жизни, снова и снова возвращаясь к событиям, которые, с точки зрения моих проницательных коллег, показывают меня классическим меланхоликом.

Возможно, Эмили права. Она так часто бывает права.

Скоро я и ее потеряю. Вопрос нескольких месяцев, как сказал нам в четверг доктор Аксельрод. Совершите это путешествие, посоветовал он. То, о котором вы постоянно говорите. Флоренция, Рим, Венеция весной. Вы, Лестер, тоже в неважной форме, добавил он.

Пожалуй. В последнее время я стал частенько класть вещи не на свое место, особенно очки. И ключи от машины. Я вхожу в магазин и не помню, зачем при-

шел. Выхожу из театра и тут же забываю, о чем был спектакль. Если время для меня и вправду серия закладок, то ощущение такое, будто кто-то сначала так потряхнул мою книжку, что из нее посыпались пожелтевшие полоски бумаги, оторванные спичечные этикетки и пластиковые палочки для размешивания кофе, а потом распрямил загнутые уголки.

Поэтому я хочу все записать. Не отредактировать текст, чтобы выставить себя в более выгодном свете. Нет, нет. *Он* бы этого не позволил. Ведь он по-своему ненавидел ложь, как никто другой. Просто хочется сохранить текст, перенести его из нынешнего хранилища, в котором, откровенно говоря, стало влажно и начались протечки, на эти страницы.

Больница «Эшклиф» располагалась на центральной равнине в северо-западной части острова. И вид, добавлю, имела самый благопристойный. Меньше всего она была похожа на больницу для неумолимых преступников и тем паче на военные казармы, каковыми являлись изначально ее корпуса. Если на то пошло, она напоминала нам школу-интернат. В викторианской мансарде по соседству с главным зданием жил смотритель, а в красивом замке эпохи Тюдоров, где когда-то квартировал командующий северо-восточным прибрежным отрядом армии северян, проживал наш кадровик. За стеной располагались жилые дома сотрудников — причудливые коттеджи из дранки для клинических врачей, три приземистых общежития из шлакоблоков для санитаров, надзирателей и медсестер. Основную территорию больницы украшали лужайки и подстриженные живые изгороди, огромные тенистые дубы, шотландские сосны, аккуратные кле-

ны и яблони, плоды с которых поздней осенью бомбардировали крепостные стены и рассыпались по траве. А по бокам больницы, величественного здания из добротного гранита и темно-серых плит, стояли краснокирпичные близнецы в колониальном стиле. Дальше просматривались отвесные скалы и образованные приливами болота и полоса долины, где некогда возникла общественная ферма, захиревшая вскоре после Американской революции. Посаженные еще тогда деревья — персиковые, грушевые, арония — выжили, но давно не плодоносили, и ночные ветры, налетавшие на долину, порой завывали, как бродячие коты.

Ну и конечно, форт стоял здесь задолго до появления больничного персонала и по-прежнему стоит, возвышаясь над южным мысом. И чуть поодаль маяк, потухший еще до Гражданской войны и ставший анахронизмом из-за действующего бостонского собрата.

Со стороны моря вроде бы ничего особенного. Но посмотрите глазами Тедди Дэниелса, увидевшего все это тихим сентябрьским утром 1954 года. Поросший кустарником пятачок посреди бухты. Не столько даже остров, сколько идея острова. Какое у него может быть предназначение? — вероятно, подумал он. Вот именно, какое?

Самой большой популяцией у нас были крысы. Они шебуршали в кустах, по ночам выстраивались боевыми порядками вдоль берега, взбирались на мокрые скалы. Некоторые размером с камбалу. После тех четырех странных дней пятьдесят четвертого я не один год изучал поведение крыс из ложбины в холме с видом на северное побережье. К своему удивлению, я обнаружил, что отдельные крысы пытались доплыть до

острова Паддок, в сущности, скалы в песочнице, двадцать два часа из двадцати четырех остававшейся под водой. Всякий раз, когда во время отлива островок появлялся над водой на час-полтора, они предпринимали заплыв, эти крысы, десяток, не больше, и всегда новый прилив заставлял их вернуться.

Я сказал «всегда», но это не так. Я видел, как одна доплыла-таки. Всего один раз. В полнолуние перед осенним равноденствием, в октябре пятьдесят шестого. Я явственно разглядел черную тушку водяного щитомордника, прошмыгнувшего по отмели.

Или так мне показалось. Эмили, с которой я познакомился на острове, сказала мне: «Лестер, ты не мог ее разглядеть с такого расстояния».

Она права.

И тем не менее я видел своими глазами. Толстый щитомордник шмыгнул по жемчужно-серому песку, уходящему снова под воду с возвращением прилива, готового проглотить остров Паддок вместе с этой крысой, ибо назад она уже не приплыла.

И в ту минуту, когда она бежала по отмели — и все-таки я ее видел, видел, разрази меня гром! — я подумал о Тедди. О Тедди и его несчастной покойной жене Долорес Шаналь и их клонах, Рейчел Соландо и Эндрю Лэддисе, этой жуткой парочке, устроившей у нас форменный погром. Если бы Тедди тогда сидел рядом со мной, подумал я, он бы тоже увидел эту крысу. Наверняка.

Скажу вам больше.

Тедди...

Он бы ей поаплодировал.

День первый
Рейчел

1

Отец Тедди Дэниелса был рыбак. Его моторку за долги забрал банк в тридцать первом, Тедди тогда было одиннадцать лет. В дальнейшем он нанимался на чужие, когда была работа, а когда не было, что-то разгружал в доках, а чаще, уже вернувшись домой к десяти утра, сидел в кресле, тупо разглядывал свои руки диковатыми мутными глазами и что-то шептал себе под нос.

Дэниелс-старший брал с собой Тедди рыбачить у островов еще ребенком, но проку от мальчика было не много. Все, что он умел, — это распутывать леску и отвязывать крючки. Случалось, он ранился, кровь выступала на пальцах, размазывалась на ладонях.

Они выходили в море затемно, и вот над окоемом появлялось солнце, словно вырезанное из холодной слоновой кости, и тогда из отступающей темноты выплывали острова, сбившись в кучу, как будто их поймали за чем-то предосудительным.

Взору Тедди открывался ряд приземистых светловатых лачуг на одном из островов, полуразрушенная усадьба из известняка на другом. Отец показывал пальцем: вон тюрьма на Диэре, а это мощный форт на

Джордже. На острове Томпсон в кронах высоких деревьев гнездились птицы, и их гомон походил на удары градин по стеклу.

Дальше за ними лежал остров Проклятых, словно брошенный в море с проплывающего испанского галеона. Весной далекого двадцать восьмого его оставили один на один с собственной буйной растительностью, и расположенный на самой верхотуре форт был удушен вьющимися побегами и покрыт целыми шапками мха.

— Почему Проклятых? — поинтересовался Тедди.

Отец повел плечами:

— Вопросы. Вечно ты со своими вопросами.

— Нет, ну правда?

— Да просто так назвали, и слово прижилось. Может, пираты.

— Пираты? — Звучало красиво. Тедди сразу увидел рослых мужчин с повязкой на глазу, в высоких сапогах, с блестящими саблями.

— В старые времена они тут прятались, — пояснил отец, обводя рукой горизонт. — На этих островах. Сами прятались, золото прятали.

Тедди представил себе кованные сундуки и как изпод крышки высыпаются монеты.

Через какое-то время его начало выворачивать наизнанку, снова и снова, черные потоки полились за борт.

Отец смотрел озадаченно, ведь прошло уже несколько часов и океанская гладь безмятежно поблескивала.

— Все нормально, — сказал он. — Твой первый выход в море. Так что нечего стыдиться.

Тедди кивнул и вытер рот тряпицей, которую ему протянул отец. А тот продолжал:

— Иной раз качку и не почувствуешь, пока она не заберется к тебе в кишки.

Тедди снова кивнул от невозможности сказать отцу, что качка тут ни при чем.

Это все вода, простирившаяся вокруг; кроме нее, больше ничего в мире не осталось. Ему казалось, что сейчас она и небо проглотит. До этой минуты он и не думал, что они на свете так одиноки.

Он глядел слезящимися красными глазами на отца, повторявшего, что все будет нормально, и пытался выдать из себя улыбку.

Летом тридцать восьмого его отец вышел из Бостона на китобойце и не вернулся. Лишь следующей весной на отмель Нантакета, возле города Халл, где Тедди вырос, выбросило обломки судна. Часть киля, нагревательная плитка с выгравированным на донце именем капитана, банки с консервированными помидорами и картофельным супом, пара ловушек для лобстеров, продырявленных и бесформенных.

Траурная церемония по четырем погибшим рыбакам состоялась в церкви Святой Терезы, задней своей стеной почти упиравшейся в море, унесшее столько ее прихожан. Тедди стоял рядом с матерью и слушал слова про капитана, и первого помощника, и третьего рыбака, старого морского волка по имени Джил Рес так, терроризировавшего бары города Халла с тех пор, как он вернулся с большой войны с раздробленной пяткой и ворохом страшных картин в башке. Но смерть, как сказал один из пострадавших от него барменов, ему все простила.

Владелец китобойца Никос Коста заявил, что почти не знал отца Тедди и взял его в последний момент, когда один из членов команды сломал ногу, упав с грузовика. Капитан тогда дал высокую оценку новичку, мол, любой в городе вам скажет, что свою работу он делает на ять. Разве может быть похвала выше этой?

Стоя в церкви, Тедди вспомнил тот день на отцовской моторке, после которого вместе в море они уже не выходили. Отец повторял, что они обязательно выйдут, но Тедди понимал, с какой целью это говорится: чтобы помочь ему сохранить остатки гордости. Отец никогда не вспоминал о том злополучном дне, но, когда они возвращались через архипелаг — остров Проклятых остался сзади, Томпсон впереди, а до их родного города рукой подать, и весь он был виден так отчетливо, что, кажется, можно ратушу поднять вверх за шпиль, — что-то такое промелькнуло в его взгляде.

— Это море, — сказал отец, легонько потирая сыну спину, пока они стояли, прислонившись к корме. — Одни здесь себя находят. Других оно себе подчиняет.

И при этом он так посмотрел на Тедди, что не трудно было догадаться, в какую категорию тот, скорее всего, попадет.

Чтобы добраться сюда в пятьдесят четвертом, им пришлось сесть на городской паром и миновать череду богом забытых островков — Томпсон и Спектэкль, Грейп и Бампкин, Рэйнфорд и Лонг, — лепившихся на морском скальпе песчаными заплатками, пучками цепких деревьев и скалистыми грядами, выбеленными, как кости. Если не считать планового завоза продовольствия по четвергам и субботам, паром ходил от

случая к случаю, и в такие дни вельбот был совершенно гол — лишь обшитое металлическим листом днище да две железные скамьи по бортам под иллюминаторами. Скамьи были прикручены болтами к днищу и дополнительно к массивным черным боковым стойкам, с которых этакими вермишелинами свисали ручные кандалы на цепях.

Но нынче паром вез не душевнобольных, а только Тедди и его нового партнера Чака Ауле, а также мешки с почтой и ящики с медикаментами.

Для Тедди путешествие началось в обнимку с унитазом, а мотор тарахтел и пыхтел, и в ноздрях Тедди маслянистый запах бензина смешивался с запахом августовского моря. Хотя из Тедди не выходило ничего, кроме жалких водянистых струек, горло продолжали душить спазмы, желудок ощущался где-то в самом низу, а перед носом крутились и помаргивали воздушные пылинки.

В качестве заключительного аккорда вместе с застрявшим в нем кислородным пузырем из Тедди с грохотом разорвавшейся бомбы, похоже, вылетел кусок грудной клетки, после чего он уселся на железный пол и, вытирая лицо носовым платком, подумал, что это не самый лучший способ начинать партнерские отношения.

Он представил себе, как Чак, вернувшись домой, говорит жене, если она у него, конечно, есть — в сущности, они еще ничего друг о друге не знали, — вспоминая о первом знакомстве с легендарным Тедди Дэниелсом: «Я ему, милая, так понравился, что его вывернуло наизнанку».

С той памятной рыбалки в детстве Тедди никогда не испытывал радости от нахождения на воде, от этого тотального отсутствия земли, которая ему всюду грезилась, от невозможности потрогать нечто твердое, чтобы при этом твоя рука не растворилась в текучей субстанции. Ты говорил себе «все нормально» — без этих слов как преодолевать водные пространства? — но как бы не так. Даже в разгар войны больше всего его страшило не боевое десантирование, а последние метры от плавсредства до берега, когда ботинки вязнут в иле и непонятные существа юркают между ног.

И сейчас он бы предпочел находиться на палубе, встретить вызов на свежем ветру, а не здесь, скрюченный, в липком поту.

Убедившись, что приступ миновал, что желудок больше не пучит и голова не кружится, он вымыл лицо и руки и придирчиво осмотрел себя в зеркальце над раковиной, изъеденном морской солью, так что в середине осталось лишь крохотное пятно, в котором отражался еще довольно молодой человек с казенной короткой стрижкой правительственного чиновника. Лицо же его несло на себе печать военных и последующих лет, а глаза, которые Долорес однажды назвала «тоскливыми, как у собаки», выдавали его двойную склонность — к погоням и насилию.

Откуда столько суровости в мои-то годы, подумал Тедди.

Он поправил ремень так, чтобы кобура оказалась на боку. Взял шляпу со сливного бачка, нахлобучил на голову и сдвинул немного набекрень. Затянул потуже узел на галстук. Цветастый яркий галстук из тех, что

уже год как вышли из моды, но он по-прежнему его носил, так как это был ее подарок: в день своего рождения он сидел в гостиной, когда она подошла сзади и закрыла ему глаза этим галстуком. Прижалась губами к его кадыку. Положила ему на щеку теплую ладонь. Ее язычок пах апельсином. Она оседлала его и только тогда убрала галстук, но Тедди продолжал держать глаза закрытыми. Чтобы чувствовать ее запах. Рисовать ее в своем воображении. Создавать и удерживать в своих мыслях.

Он до сих пор не утратил этой способности: закрыть глаза и ясно увидеть ее перед собой. Правда, в последнее время то мочка уха, то ресницы, то контуры волос стали покрываться белыми пятнами. Пока это не мешало ее восприятию в целом, но уже закрадывался страх, что время хочет ее украсть у него и мало-помалу обглаживает, разъедает эти картинки у него в голове.

— Я по тебе скучаю, — сказал он вслух и отправился на бак.

Хотя здесь было тепло и ясно, в воде просматривалось что-то темное, тронутое ржавчиной, что-то злое, намекая на придонные буйные заросли.

Чак отхлебнул из фляжки и повернул лицо с просительной вздернутой бровью в сторону приближающегося напарника. Тедди отрицательно покачал головой, и Чак сунул фляжку обратно в карман пиджака, запахнул полы плаща и посмотрел на море.

— Ты как? — спросил он. — Малость сбледнул.

— Я в порядке, — ответил Тедди.

— Уверен?

— Еще не обвык, — кивнул Тедди.

Они молча постояли, вокруг них покачивались волны, и отдельные темные сегменты казались гладкими, как бархат.

— Знаешь, когда-то там был лагерь для военнопленных, — сказал Тедди.

— На острове? — уточнил Чак.

— В Гражданскую. Там возвели форт, построили казармы.

— А как они его используют сейчас?

— Понятия не имею, — пожал плечами Тедди. — Тут были форты на разных островах. Во время войны артиллеристы пристреливали по ним орудия. Так что не многие уцелели.

— А больница?

— Насколько я понимаю, она помещается в бывших казармах.

— Вроде как возвращение в учебку? — поинтересовался Чак.

— Лучше не надо. — Тедди, опираясь на фальшборт, повернул к нему лицо. — Расскажи про себя.

Чак улыбнулся. Он был коренастее и приземистее своего напарника, где-то сто семьдесят пять, вьющиеся черные волосы, оливковая кожа, изящные маленькие руки, которые как-то не вязались с его фактурой, как будто он одолжил их на время, пока из мастерской не пришлют настоящие. На левой щеке у него был косой шрам, который он сейчас потыкал указательным пальцем.

— Я всегда начинаю со шрама, — сказал он. — Все рано или поздно спрашивают.

— Ну и?..

— Это не война, — продолжал он. — Моя подружка говорит: «Скажи: война — и закрой тему», но... — Он передернул плечами. — На самом деле *игра* в войну. Мальчишки. В лесу палили друг в друга из рогаток. Приятель стрельнул в меня и не попал, значит я в порядке, правильно? — Тут он помотал головой. — Камень попал в ствол, и отлетевший кусок коры полоснул по щеке. Отсюда шрам.

— Войнушка, значит.

— Вот-вот.

— Ты сюда перевелся из Орегона?

— Из Сиэтла. На той неделе.

Тедди ждал пояснения, но его не последовало.

— А в судебных приставах давно?

— Четвертый год.

— Тогда ты в курсе, какой это узкий круг.

— Ну да. Ты хочешь услышать, почему я перевелся. — Чак покивал, что-то для себя решая. — А если я скажу, что меня достали дожди?

Тедди развел ладони в стороны примирительным жестом:

— Как скажешь...

— Но ты прав, это узкий круг. Все друг друга знают. Так что рано или поздно — как это говорится? — сорока принесет на хвосте.

— Точно.

— Это ведь ты поймал Брека? — (Тедди кивнул.) — Как ты догадался, где его искать? Полсотни следаков отправились в Кливленд, и только ты один — в Мэн.

— Однажды мальчишкой он там отдыхал с семьей. Помнишь, что он проделывал со своими жертвами?

Обычно это проделывают с жеребцами. Я поговорил с его теткой. Она мне рассказала: в детстве он был по-настоящему счастлив один раз — на ферме, где выращивали племенных жеребцов, неподалеку от коттеджа, который снимала его семья в штате Мэн. Поэтому я отправился туда.

— Пять пуль в него всадил, — сказал Чак, разглядывая пену внизу.

— И еще столько же всадил бы, — произнес Тедди. — Но больше не понадобилось.

Чак понимающе кивнул и сплюнул через перила.

— Подружка у меня японка. То есть родилась здесь, но... Выросла в лагере для интернированных. В тех краях — Портленд, Сиэтл, Такома — до сих пор сохраняется напряжение. Людям не нравится, что я с ней.

— Поэтому тебя перевели.

Еще кивок, еще плевков. Чак проследил, как тот упал в бурлящую пену.

— Говорят, это будет нечто, — сказал он.

Тедди снял локти с фальшборта и выпрямился во весь рост. Лицо его было мокрым, на губах соль. Удивительно, что море его все-таки достало, хотя он не помнил, чтобы брызги до него долетали. В поисках пачки «Честерфилда» он похлопал себя по карманам дождевика.

— Кто говорит? И о чем?

— Газеты, — ответил Чак. — Про будущий шторм. Обещают что-то особенное. Грандиозное.

Он махнул рукой в сторону неба, белого, как кипящая пена под носовой частью. Там, вдоль южной кромки, выстроились шеренгой пунцовые барашки, расплзавшиеся чернильными пятнами.

Тедди потянул носом воздух.

— Ты ведь помнишь войну, Чак?

Видя ухмылочку своего партнера, Тедди подумал: быстро же мы настроились на одну волну и смекнули, как подначивать друг дружку.

— Смутно, — ответил Чак. — В основном помню строительный мусор. Кучи мусора. Обычно люди говорят о мусоре пренебрежительно, а по-моему, он занимает свое законное место. В нем есть своя, так сказать, эстетическая красота. Ибо все в глазах смотрящего.

— Прямо как по писаному. Тебе это никогда не говорили?

— Случалось. — Перегнувшись через фальшборт, чтобы размять спину, Чак подарил морю очередную улыбочку.

Тедди похлопал себя по карманам брюк, порылся во внутренних карманах пиджака.

— Бывало, боевые задания зависели от прогнозов погоды, ты помнишь?

Чак потер щетину на подбородке тыльной стороной ладони.

— Как не помнить.

— И как часто эти прогнозы сбывались?

Чак нахмурил брови, давая понять своему напарнику, что он всерьез обдумывает этот вопрос. Потом почмокал губами и сказал:

— Процентом тридцать, пожалуй.

— В лучшем случае.

— В лучшем случае, — кивнул Чак.

— И теперь, когда мы вернулись на гражданку...

— Еще как вернулись, — вставил Чак. — Можно сказать, угнездились.

Лихэйн Д.

Л 65 Остров Проклятых : роман / Деннис Лихэйн ; пер. с англ. С. Таска. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 384 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-18509-8

В тюремную больницу для умалишенных преступников прибывает судебный пристав Тедди Дэниелс со своим новым напарником, чтобы расследовать странное исчезновение одной пациентки. Это не единственная загадка, которую таит остров Проклятых. Постепенно Тедди становится ясно, что на острове все не так, как кажется, и, чтобы выбраться из паутины лжи, ему вряд ли придется рассчитывать на кого-то, кроме себя. Между тем на остров обрушивается ураган, который обрывает все связи с материком, и тонкая грань, отделяющая мир ночных кошмаров и безумия от реальности, становится все более зыбкой... Роман Денниса Лихэйна «Остров Проклятых» стал мировым бестселлером и был переведен на многие языки, а режиссер Мартин Скорсезе снял по нему одноименный триллер с Леонардо Ди Каприо в главной роли.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЕННИС ЛИХЭЙН
ОСТРОВ ПРОКЛЯТЫХ

Ответственный редактор Ольга Рейнгеверц
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.08.2020. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 24. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-RBD-27124-01-R